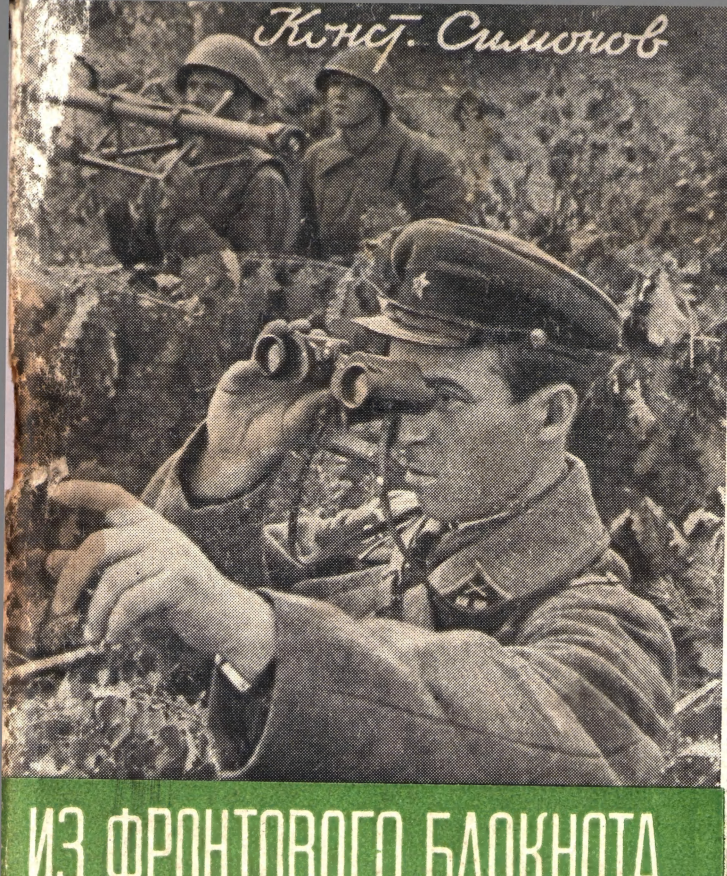

Конст. Симонов

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

КОНСТ. СИМОНОВ

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1941

C — 37.

ОТ АВТОРА

В качестве военного корреспондента мне приходится быть свидетелем целого ряда значительных событий на разных участках фронта Великой Отечественной войны.

Насколько хватает времени я записываю все виденное и слышанное.

Пока все это только отдельные заметки и стихи, по горячим следам записанные на фронте в блокнот корреспондента.

ЧАСТИ ПРИКРЫТИЯ

«Наши части прикрытия, переходя в контратаки, задерживают противника до подхода наших главных сил».

Эту скромно, по-деловому, звучащую фразу мы не раз читали в сводках Информбюро.

Но что скрывается за этой фразой, какие подвиги, какая железная выдержка стоят за простыми словами — «задержать противника до подхода наших главных сил»,— это не все себе ясно представляют.

Военный язык лаконичен. В приказе сказано — задержать противника. Но слово задержать в нашей армии значит задержать во что бы то ни стало. Слово драться в нашей армии значит драться до последней капли крови.

Части прикрытия — это значит части,

которые приняли на себя первый удар врага, первыми прощупали его стратегию и тактику, первыми на ходу, во время боя, научились новым приемам борьбы с ним.

Они задержали врага, они совершали иногда дорого обходившиеся ошибки, они, исправляя эти ошибки, накопили новый боевой опыт, которым сегодня и завтра воспользуется вся армия для разгрома врага.

Это сделает наша армия, которая сосредоточилась и развернулась, пока части прикрытия выигрывали для нее время,— время, настоящая цена которому познается только на войне.

Армия развернулась, части прикрытия отведены в армейский тыл на несколько десятков километров. Но фронт и тыл — между ними в этой войне нет четкой границы.

По ночам, когда кругом тишина, можно слышать далекую канонаду тяжелых орудий. Это бьет наша корпусная артиллерия.

Когда начинает темнеть, в лесу мель-

кают белые отсветы — точка, тире, точка, тире, — это немецкие диверсионные группы пытаются снестись друг с другом или подать сигнал своим самолетам.

Огоньки быстро потухают — наша разведка научилась точно работать, — на третьем тире сигналисту пришлось поднять руки вверх.

Части прикрытия комплектуются, восполняются потери. Взамен искалеченных в тяжелых боях орудий и пулеметов подвозятся новые.

Но если вы станете говорить с командирами и бойцами такой части, недавно вышедшей из боя, то меньше всего вы услышите разговоров о потерях; бойцы и командиры говорят об опыте боев, о слабых местах врага, о новой тактике, которую они выработали в боях и теперь применят против него. И когда вспоминают о погибших товарищах, то вспоминают о них, не просто сожалея, а обсуждая и одобряя их поведение в бою, их опыт борьбы, который они ценой своей жизни передали другим.

N-ский стрелковый полк вместе с другими полками дивизии был 22 июня поднят по тревоге и, приведя себя в боевую готовность, сделал за 21 час 75-километровый марш.

Перегрузившись под обстрелом вражеской авиации на машины, полк на рассвете прибыл к месту сосредоточения.

Полк и подходившую танковую дивизию противника теперь разделяло расстояние всего в несколько километров.

С хода развернувшись, полк занял оборону вдоль покатого берега реки Ш.

Чтобы дать полку возможность окопаться, а гаубичному дивизиону занять выгодные огневые позиции, второй батальон был выброшен вперед.

На него падала почетная задача принять первый удар.

Стойкую пехоту, которая успела хоть немного закопаться в землю и укрепиться, трудно выбить с ее позиций, трудно, даже если против одного полка действует танковая дивизия.

Немцы понимали это не хуже нас, и

пока полк окапывался, каждые пятнадцать минут над его головой с ревом пикировали чужие бомбардировщики.

Но расчет врага на панику, на замедление темпа оборонительных работ был сорван. Маскируясь, укрываясь за деревьями, ложась и снова вставая, бойцы хладнокровно и быстро продолжали свое дело. Не было ни беготни, ни беспорядочной пальбы из винтовок — каждый был занят своим делом: бойцы — своим, зенитчики — своим.

И надо сказать, что зенитчики в первом бою действовали довольно удачно.

Спокойно выждав секунды, когда бомбардировщики переходили в пике, расчет крупнокалиберных зенитных пулеметов посылал очереди прямо в лоб, в моторную группу фашистских машин.

Один за другим три бомбардировщика, горя и с грохотом ломая деревья, обрушились в лес.

Тем временем 2-й батальон уже принимал неравный бой.

Противотанковые пушки били прямой

наводкой по танкам. Отступая с рубежа на рубеж, пулеметчики метким огнем старались оторвать вражескую пехоту от танков, заставить ее залечь, не дать ей поднять головы.

Вот загорелся один танк, потом второй, третий, четвертый, остальные двигались уже медленнее, чем вначале, останавливаясь, чтобы пристреляться по нашим противотанковым пушкам, подтягивая свою не особенно храбро шедшую под огнем пехоту.

Между тем батальон, выполнив свою задачу и задержав противника, постепенно отходил за левый фланг полка.

К четырем часам дня бой разгорелся уже перед всем фронтом полка.

Теперь по числу атакующих танков уже легко на-глаз можно было определить, что против нас в полном составе действует мотомеханизированная дивизия врага.

Узкая полоса реки с единственным мостом отделяла нас от противника. Танки, выходя на берег, стягивались к мосту, но жестокий артиллерийский огонь не

пускал их на самый мост. Немецкая пехота, скопившись на опушке леса, пыталась короткими перебежками достичь берега реки и переправиться через нее вброд.

Загорелось еще несколько танков. С наших позиций было хорошо видно, как вела себя немецкая пехота. Под пулеметным огнем она пыталась, пусть медленно, но все-таки продвигаться.

Но когда справа и слева от нее черными факелами вспыхивали танки, она немедленно ложилась, и офицерам, видимо, уже трудно было оторвать ее от земли.

Вера в эти стальные машины, с которыми до сих пор так легко доставались победы, эта вера, оказывается, имела свою оборотную сторону.

Машины горели одна за другой, немецкая пехота не привыкла к этому, она боялась, она не хотела сама итти вперед. Пусть первыми пойдут танки.

И танки снова шли и снова скучивались у моста, и снова загорались.

На помощь им пришла артиллерия. Подтянув к реке свою артиллерию танковой поддержки, немцы стали охотиться за нашими противотанковыми орудиями.

Соединенными усилиями танков и артиллерии к вечеру половина наших пушек была выведена из строя.

Но недаром славится русская артиллерия. Остальные наши пушки нащупали позиции врага и метким огнем к ночи разбили 18 орудий противника и зажгли 16 танков.

Помогая артиллерии, пулеметчики метко били по смотровым щелям танков, ослепляя врага.

Но потери все-таки сказывались. Наш огонь был уже реже, и, пользуясь этим, части немецкой пехоты доползли до берега реки и начали переходить ее вброд.

Заметив это, вторая рота полка вылезла из укрытий и перешла в стремительную контратаку.

Испугавшись штыкового удара, немец-

кая пехота с завидной поспешностью ретировалась на тот берег.

Было уже темно. На несколько минут наступило затишье.

Но ровно в десять часов вечера, видимо, отчаявшись овладеть нашими позициями сналету, противник подвез гаубичную артиллерию и открыл ураганный огонь.

Разрывы шли сплошным огневым валом с берега реки вглубь леса и с флангов к центру наших позиций.

Нужна была железная выдержка, чтобы высидеть под этим огнем, зорко наблюдая за каждым движением врага.

Под прикрытием огневого вала немецкая пехота стала переправляться через реку и скапливаться на этом берегу.

Ровно в 12 часов ночи немцы перенесли артиллерийский огонь вглубь. Убежденные, что наши части уничтожены и деморализованы двухчасовым ураганным огнем, они, наконец, решили итти в атаку.

Но ровно в 12 часов командир полка подполковник Чагарава, решив не дожи-

даться немецкой атаки, подтянул все силы, собрал всех уцелевших бойцов и, подняв их, с криком: «ура!» — сам повел в контратаку.

Грозное русское «ура» совершенно неожиданно обрушилось на переправившихся через реку немецких солдат.

Они в беспорядке, кто вброд, кто вплавь, бросились обратно, не принимая штыкового боя.

Впрочем, далеко не все успели уйти за реку, многим поневоле пришлось все-таки испытать на себе силу русского штыка.

Так закончился этот трудный для полка день.

Немецкая танковая дивизия была задержана на двенадцать часов. Было выведено из строя до тридцати танков и восемнадцати орудий противника.

Мы тоже понесли серьезные потери. Но как ни были они тяжелы, бойцы в эту ночь чувствовали себя победителями. Разбитые немецкие танки и орудия, уничтоженная немецкая пехота — все это только половина победы. Второй полови-

ной победы был выигрыш времени. Двенадцать часов военного боевого времени! Бойцы знали: там, сзади, развертываются главные силы, используя эти двенадцать часов, выигранных ими в кровавом бою.

К рассвету полк оставил этот лес, изрешеченный снарядами, изрытый воронками, точно пристрелянный немецкой артиллерией.

Полк отошел назад на новый рубеж обороны, где завтра ему предстоял такой же жестокий и героический бой.

А в сводке Информбюро утром появилась скупая фраза: «В течение прошлого дня наши части прикрытия сдерживали наступление противника до подхода наших главных сил».

5 июля

МАЙОР БАНДУРКО

Нам не удалось поговорить с ним самим. Когда мы приехали в соединение, он, трижды раненный, вопреки своей воле был, наконец, отвезен в госпиталь.

— Ничего, он скоро вернется! — улыбаются рассказывающие о нем командиры. — Он такой, его и три раны не свалят — Илья Муромец!

Они с таким теплом говорят об этом всеобщем любимце, что мы как будто в самом деле видим перед собой майора Максима Артемовича Бандурко — человека огромного роста и редкой физической силы, спокойного и веселого богатыря с лукавым прищуром глаз, с добродушным украинским юмором.

Двадцатидвухлетним парнем в 1928 году он пришел в Красную Армию. Вся

его жизнь была связана с армией — она дала ому образование, воспитание, волевую закалку, и он долгие годы готовился к тому решительному часу, когда сможет все эти воспитанные в нем качества проявить во славу армии.

...Подразделение легких танков, которым командовал майор, в первом же бою столкнулось с немецким полком средних танков. Положение было тяжелым. Но т. Бандурко быстро принял единственно правильное решение. Он рассредоточил свои танки вдоль опушки леса и с неподвижных, тщательно замаскированных позиций открыл огонь по движущимся немецким машинам.

Майор Бандурко в первом же бою проявил свое прославленное хладнокровие. Он открыл огонь по немецким танкам именно тогда, когда они вошли в зону наиболее действительного огня, ни на секунду раньше, ни на секунду позже.

У средних и тяжелых немецких танков прочная броня. Пробивает ее не каждый снаряд легкого танка, а лишь тот, кото-

рый послан метко. Здесь-то стрелки батальона, воспитанные т. Бандурко, проявили свое искусство. Они били в самые уязвимые части немецких танков: в боковую броню, в моторную группу, в гусеницы. Они били так, чтобы снаряды ложились с наибольшей разрушительной силой — под прямым углом к броне. Несколько немецких танков вышло из строя.

Так майором Бандурко был опровергнут недолговечный слух о непробиваемости немецкой брони.

Между тем фашистские танки начинали пристреливаться, их снаряды ложились все ближе. Майор приказал переменить позицию. Танки передвинулись вдоль опушки и с нового места опять открыли огонь.

Наткнувшись на упорное сопротивление, немцы были принуждены изменить направление. Они отступили и стали искать обходного пути.

Один из последних снарядов попал в танк майора Бандурко. Несколькими осколками т. Бандурко был ранен в голову.

Наскоро перевязав раны, он вылез из танка и стал передавать товарищам опыт первого танкового боя.

— Надо вести точный огонь с места или с коротких остановок, — говорил он.— Хорошо замаскироваться, близко подпустить, неожиданно и точно открыть огонь — и успех на нашей стороне. А главное — хладнокровие. Пока немцы пристреливаются, пока снаряды ложатся в 100—150 метрах, — менять позиции не надо. Будь хладнокровен — стреляй с места. Когда снаряды стали ложиться около тебя — быстро и скрытно перемени место и оттуда мгновенно огонь! Быстрей, чем враг, менять место, быстрей, чем он, пристреливаться, быстрей, чем он, бить!

На пятый день боев подразделение отходило к новому району сбора, отходило прямиком, лесом, в боевом порядке, с повернутыми на врага башнями. Майор Бандурко, прикрывая отход тылов, сделал засаду у шоссе южней деревни Ш. Его танки были замаскированы так, что можно было подойти к ним вплотную, не заметив их.

Едва была закончена маскировка, как на шоссе у самой опушки выскочило шесть немецких танков. Место для засады было выбрано умело, — с обеих сторон обочины шоссе упирались в болото. Немцы попали в ловушку.

— Огонь! — скомандовал майор, и залпы наших орудий с ближайшей дистанции обрушились на вражеские танки.

Три сразу загорелись, остальные сумели пустить несколько снарядов, попробовали развернуться на узком шоссе, но не успели, застигнутые новыми залпами наших пушек.

Майору не повезло — осколком одного из немецких снарядов он был вторично ранен. На этот раз, даже прежде чем дать себе сделать перевязку, он отдал приказание—немедленно переменить место засады.

— Прежде всего переменить позицию, потом все остальное.

Позиция была немедленно переменена. Немецкая авиация, прилетевшая через пятнадцать минут к месту боя, тщательно бомбила пустой лес.

На восьмой день боев танки майора Бандурко, скрывшись в лесу, опоясали шоссе у города П., не допуская продвижения противника. Как всегда, тщательно замаскировав танки, майор выслал круговую разведку.

У немцев, скрытно сосредоточившихся в трех километрах, не выдержали нервы. Они обстреляли разведку и тем обнаружили себя. Через пятнадцать минут на шоссе появились первые немецкие танки.

— Смотри, это тебе не учения! — сказал майор своему башенному стрелку младшему сержанту Тертичному. — На учениях еще можно горячиться, а в бою надо хладнокровным быть. Понял?

Первый из выскочивших немецких танков получил снаряд прямо в моторную группу и загорелся.

Майор перенес огонь на второй танк. Первый снаряд — недолет, зато второй и третий опрокинули машину. Бой продолжался. Вражеский снаряд ворвался в башню и в третий раз ранил майора Бандурко. Он вывел разбитый танк с поля боя,

пересел на другой и отразил еще две атаки врага. Только после этого почти насильно т. Бандурко удалось отправить в госпиталь.

— Ничего, хлопцы, скоро вернусь, — говорил майор, прощаясь с бойцами, — мы еще и не такого жару дадим немцам.

8 июля

ВАЛЯ ТИМОФЕЕВА

Это — женщина, в присутствии которой мужчина не смеет не быть храбрым.

А сама она очень маленькая, худенькая, в больших красноармейских сапогах, брюках и гимнастерке не по росту, с закатанными рукавами.

Там, где закатаны рукава, руки у нее натёрты до крови.

— Что ж, неужели поменьше формы для вас не нашлось?

— У меня была прекрасная своя, да разве на меня напасешься!

— Два раза меняла гимнастерку, — объясняет капитан, который был с нею в бою,— она ведь у нас за всех: и за хирурга, и за сестру, и за санитаров.

— А давно вы в армии?

— Давно, целый год. Так что я уже

теперь старый военный, — и Валя Тимофеева улыбается своей милой улыбкой. — Меня год назад вызвали в военкомат и спросили: «Хотите в армию итти?» Я говорю: «хочу». — «А ничего, что у вас дети?» — «Но, нет, — говорю, — ничего, что дети, все равно пойду». И пошла. А детей я у мамы оставила. Мама мне говорит: «Твое дело раненым помогать, а я уж сына воспитаю, не беспокойся». Ну, я и не беспокоюсь.

— А где вы учились?

— В Саратовской зубоврачебной школе.

— Вы же хирург?

— Нет, она зубной врач, — улыбается капитан. — Когда у меня в тылу бомбить стали, я попросил прислать врача. «У нас, — говорят, — только зубной». На худой конец хоть зубного. Тогда говорил: «на худой конец», а зубной-то врач таким золотым оказался, цены ей нет. Ни одного раненого через ее руки не прошло, чтобы она его не перевязала, не обласкала, не утешила душевным словом. А когда к нам в тыл полка пробрались немцы и мы

отбивались от них, пока не пришли на помощь наши части, в эти дни она своими рукама спасла не одну жизнь... Была сильная бомбежка, мы залегли в окопы, один не успел, его ранило шагах в сорока от нас. Оглядываюсь и вижу, что Валя Тимофеева вылезает из окопа на бруствер. «Куда вы, переждите, вас же убьют». А она отвечает: «Если убьют, значит, убьют, а пока не убили, надо работать». И поползла вперед.

— И, как видите, была права, — перебивает Валя капитана. — Вот жива и здорова, только... — Лицо ее на минуту становится грустным. — Только он потом умер все-таки, раненый этот... Я когда вылезла из окопа, кричу ему: «Где вы?» Он застонал. Я к нему. Подползла. Он услышал и говорит: «Милая, все-таки вы подползли ко мне». Я говорю: «Конечно, сейчас я вас перевяжу». А сама смотрю — у него шесть ран безнадежных. Но я решила, что нужно перевязать и вытащить его, чтобы ему последние минуты лучше было. Накрыла его сверху плащ-палаткой,

потому что ночь темная и белое сразу видно, и под плащом перевязала ему грудь полотенцем. А он почувствовал, что полотенце, и говорит: «Что, доктор, смертельные, да?» Я говорю: «Нет, родной, опасные, но ничего, мы сейчас с вами обратно поползем». Он говорит: «Я не могу ползти с вами». — «Нет, — говорю, — ничего, сможете, я с вами все время вместе буду, потащу вас». А подняться было нельзя, кругом стреляют пулеметы. Но все-таки понемножку ползком притащила его в окоп...

— А вы еще расскажите, как вы других перевязывали, — перебивает ее капитан.

Капитан очень скупо говорит, как он сам с пятнадцатью людьми отбивался от роты немцев. Но когда речь заходит о Вале, его молчаливость сразу исчезает. Ему хочется, чтобы широко стали известны все ее героические поступки.

— Нет, нет, вы расскажите, как вы еще с другими возились, — настаивает он.

— Ну, и с другими так же, как с

этим, — говорит Валя. — В общем, кажется, ничего поработала. Обратно в зубоврачебный кабинет меня не будете отправлять, а, товарищ капитан?

— Нет, не будем.

— То-то, а то меня перед отъездом полковник брать не хотел. «Во-первых, — говорит, — вы женщина, а во-вторых, такая маленькая». А я еще до войны занималась и перевязкой, и всем, что здесь нужно. Так и думала: если будет война, не в зубоврачебном же кабинете мне сидеть. И правда, как война, и зубы у всех перестали болеть. Три дня мой кабинет пустовал, а на четвертый я его бросила.

Вот она стоит перед нами, маленькая женщина в каске, гимнастерке и сапогах, неразлучная со своей медицинской сумкой, героиня Отечественной войны, простая, веселая русская женщина из Саратова.

16 июля

ФОТОГРАФИИ

Немецкий танк был подбит метко брошенной связкой гранат. Остановился с разорванной гусеницей и еще продолжал стрелять. Точно пущенный снаряд, разорвавшись в башне, пригвоздил его к месту.

Двое из экипажа выскочили, но их тут же скосило пулеметным огнем.

Танк стоял в пятидесяти метрах от наших окопов, лишенный экипажа, молчащий, безвредный.

Вечером, когда над полем боя начало темнеть, когда все пространство от наших окопов до леса было покрыто дымящимися остовами сожженных, расстрелянных и подорвавшихся на минах немецких танков, бойцы подошли к взорванной ими машине. Они хотели осмотреть ее, так грозно шедшую на них и так умело и быстро уничтоженную.

Они забрались в танк.

Среди снарядных стаканов и пулеметных дисков они вдруг наткнулись на что-то большое и мягкое. Когда вытащили находку на свет, то оказалось, что это сукно с маркой «Белосток».

Много, очень много сукна. Его вполне хватило бы, чтобы сшить по пять костюмов каждому из членов экипажа.

Огромный, тяжелый сверток коричневого сукна. По пять коричневых костюмов на каждого из трех.

Правда, пять коричневых костюмов сразу никому не нужны. Но грабитель не разбирается, грабителю некогда, ему надо скорей грабить, а то, чего доброго, надо будет возвращаться, и он не успеет.

Наверное, было очень неудобно и тяжело тащить эту штуку сукна с разграбленного склада.

Должно быть, несли все втроем, часто останавливаясь, чтобы передохнуть.

Но дальше, очевидно, стал роковой вопрос: куда деть сукно? Оставить в обозе нельзя, там, где танк отошел на сто

метров, уже опасно, уже партизаны громят обозы.

Решили втащить всю штуку в танк. Правда, это не совсем удобно, но ничего, будет немножко хуже стрелять, но зато сукно всегда с собой — пятьдесят метров коричневого, очень хорошего сукна.

С трудом протащив через люк, сукно уложили в танке.

Гораздо легче было с ботинками и дамскими туфлями, украденными прямо из магазина. И легко нести, и удобно класть.

В танке оказалось масса мест, как будто специально приспособленных для того, чтобы класть туда дамские туфли.

Последним грузили в танк дамское белье, шелковые рубашки и прочее, не в пример сукну — разных цветов, а главное — тоже много.

Белье совали куда попало, с ним хорошо — удобно складывается и почти не мнется. Часть положили прямо на сиденье, под себя. Так и пошли в бой, сидя на дамском белье.

Мы смотрим личные сумки экипажа.

Они очень любили сниматься, эти грабители. Они снимались в Дании и Голландии, в Бельгии и Греции.

Снимались и грабили. Грабили и снимались.

Снимались в самых воинственных позах, то затянутые в мундиры, то, наоборот, полуголые, очевидно, в меру своего убогого представления о древности, изображая группу гладиаторов.

Впрочем, больше всего снимались с бутылками.

Стоя, держа бутылки в руках.

Сидя за столом, уставленным бутылками.

Лежа рядом с бутылками на полу.

А вот и последний снимок. Он сделан, очевидно, перед выступлением в поход. Все трое стоят около своей машины. На башне отчетливо виден номер танка — 514.

Последний снимок — все трое улыбаются, им обещали веселый поход, легкую военную прогулку.

А впрочем, нет, это не последний сни-

мок. Последний снимок сделал наш фотокорреспондент. Он заснял разбитый нами танк с обожженной и пробитой снарядом фашистской эмблемой и рядом — двух уничтоживших этот танк красноармейцев.

Красноармейцы держат на фоне танка тяжелый тюк белостокского сукна. Они развернули его, чтобы было видно, как много нужно было этим трем фашистским грабителям, которым сейчас уже ничего не нужно, кроме трех аршин земли на каждого.

18 июля

ГОРЯЧИЙ ДЕНЬ

Полк, которым командует полковник Кутепов, уже много дней обороняет город Д.

— Снарядов и патронов у нас достаточно, а итти назад мы все равно не собираемся, — говорит т. Кутепов.

И когда въезжаешь в расположение полка, то сразу видишь, что бойцы здесь решили скорее умереть, чем отступить.

В городе строгий порядок, образцово налажена связь. Со спокойной бдительностью проверяются люди. Тщательно укреплены позиции.

Здесь воюют не только храбро, здесь воюют умело. Полк зарылся в землю. Напрасно пытались выковырять его немецкая авиация, артиллерия и танки. Глубокие, полного профиля, окопы снаб-

жены прочными блиндажами и крепкими перекрытиями. Надежно оборудованы наблюдательные пункты. Многие километры ходов сообщения обеспечивают бесперебойную связь. И полк отбивает одну за другой все атаки немцев с жестоким для них уроном.

...Ночью разведка доставила сведения, что в лесу, в двух еще раньше пристрелянных нами пунктах, скопились готовые к атаке немецкие танки.

Начальник артиллерии полковник Мазалов приказал открыть по этим пунктам огонь.

Три гаубичных батареи ударили одновременно. Снаряды рвались на лесных лощинах, где стояли танки врага. Взрывы следовали один за другим, сливаясь в общий грохот.

Через пятнадцать минут все опять стало тихо. Разведка донесла, что восемь танков разбиты. Остальные, поспешно снявшись с места, идут вперед, к опушке леса.

В 3 часа 30 минут семьдесят немецких

танков вышли на опушку и открыли ураганный огонь из орудий и пулеметов.

Наши противотанковые пушки пока молчали, не обнаруживая своих позиций. Но артиллерия поддержки немедленно открыла ответный огонь.

Потеряв еще несколько танков, немцы принуждены были перейти в атаку раньше, чем им удалось подготовить ее своим огнем. Они развернулись и уже без прицела на ходу продолжали обстрел.

Теперь на их пути был противотанковый ров. Обходя его, сомкнутая группа машин наткнулась на минное поле. Семь танков были подорваны в течение нескольких секунд. Из окопов было отчетливо видно, как через люки выпрыгивают фашистские танкисты и падают рядом с машинами, скошенные огнем наших пулеметов.

Остальные танки обошли ров с двух сторон и появились перед передним краем обороны. Одновременно слева из-за леса, видимо, считая победу уже обеспеченной, выскочили на шоссе немецкая штабная

машина и несколько грузовиков с солдатами.

Левофланговая рота по приказу своего командира лейтенанта Хорошева открыла по ним перекрестный пулеметный огонь. Через полторы минуты вся опушка леса была усеяна трупами немецких солдат. Сидевшие в штабной машине оказались убитыми на месте.

Такая же участь постигла и немецкую пехоту, которая в составе двух рот сомкнутым строем вышла из леса, очевидно, с намерением произвести психическую атаку. Только близость леса спасла часть этой колонны. Большая же половина ее оказалась срезанной пулеметным огнем.

Но танки тем временем продолжали двигаться. Некоторые из них вышли на шоссе. Заметив это, лейтенант Хорошев через связиста Громова приказал саперам взорвать заблаговременно минированный мост на шоссе.

Вот первый тяжелый танк уже проскочил мост. Еще несколько секунд и... Но именно этих нескольких секунд не дали

немцам саперы. Пропустив первый танк, они взорвали мост перед носом у остальных.

Стоявшая у дороги батарея лейтенанта Возгрина открыла по остановившимся танкам огонь прямой наводкой. В короткий срок она разбила три из них и, подпустив прорвавшийся тяжелый танк на близкую дистанцию, повредила ему гусеницы снарядом.

Танк остановился, продолжая стрелять. Тогда сержант Тарасевич вплотную подобрался к нему и бросил бутылку с бензином на раскаленную выхлопную трубу. Танк загорелся. Экипаж его выскочил на дорогу. Тарасевич уложил одного фашиста из нагана, а затем гранатой уничтожил остальных.

Готовившаяся выступить из леса немецкая пехота, увидев пылающие машины, залегла на опушке.

Между тем в центре танки все еще двигались. Они обогнули противотанковый ров и минное поле и вышли в 300—400 метрах от нашей пехоты.

За танками следовали прицепленные к ним бронированные площадки с пехотой. Часть пехоты сидела сзади на самих танках, прикрытая их броней.

Выждав, когда танки подошли совсем близко, по ним открыли огонь противотанковые пушки.

Вот они подбили один танк, второй, третий, четвертый...

Гаубицы уже не стреляли по машинам. Они перенесли огонь вперед, на опушку леса, отрезая от танков пехоту.

Немецкие резервы не могли пройти. Теперь оставалось справиться с теми танками и пехотой, которые прорвались вперед.

Противотанковые пушки расстреляли около десятка танков, но в свою очередь тоже были большей частью выведены из строя.

Оставшиеся танки уже переходили переднюю линию окопов.

Дело было за нашей пехотой. Бесстрашно выскакивали из окопов бойцы и швыряли бутылки на прорвавшиеся танки.

Одна из бутылок, неудачно брошенная, соскользнула. Немецкий офицер, открыв верхний люк, презрительно посмотрел ей вслед и подкрутил усы.

Этот жест отлично видел лейтенант Хорошев, сидевший со снайперской винтовкой на своем командном пункте.

Выстрел.

Не успев захлопнуть люк, немец всем телом перевалился наружу.

Башенный стрелок поднялся, чтобы втащить его, но тоже был убит пулей снайпера Сербиенко.

Танков становилось все меньше и меньше. Остатки их были уже в нашем расположении. С бронированных площадок и танков соскакивала пехота, забрасывая наши окопы гранатами.

Командир батальона капитан Гаврюшин, решив, что пора действовать, приказал открыть огонь своим противотанковым пушкам и пулеметам, расположенным в глубине обороны.

Одновременно бросилась в контратаку наша пехота.

Не выдержав огня и страшась принять штыковой удар, немецкая пехота стала беспорядочно отходить. Загорелись еще три танка. Уцелевшие танки тоже отходили, огнем прикрывая бегство своей пехоты.

Немцы удирали по высокой ржи, бросая оружие и срывая знаки различия.

На опушке леса их встречал и провожал огонь наших гаубиц.

Лишь один танк оставался еще в нашем расположении. С подбитой гусеницей он стоял в сорока метрах от командного пункта и стрелял по блиндажу, в котором сидели лейтенант Хорошев и капитан Гаврюшин. Но снаряды пробивали только полтора метра наката. На все два метра их нехватало. Подвезенная на близкое расстояние противотанковая пушка с трех снарядов разбила и этот танк.

Четырнадцатичасовой бой начал стихать. Но наши гаубицы еще били по лесу, где должны были проходить отступающие немецкие машины.

С наблюдательного пункта полка было

хорошо видно все поле боя. Примяв рожь, группами лежали мертвые немецкие солдаты. Повсюду маячили остовы танков.

Красноармейцы принесли брошенные немцами во ржи железные кресты и медали. Разведчики подвозили к штабу захваченные мотоциклы и самокаты. Росла груда трофеев.

Полковник Кутепов, батальонный комиссар Зобкин и начальник штаба капитан Плотников подводили итоги дня: 39 разбитых вражеских танков, до двух рот уничтоженной пехоты, два грузовика, штабная машина. День был горячий, но и результаты боя оказались отличными.

19 июля

ПРЕЗРЕНИЕ К СМЕРТИ

Памяти наводчика Сергея Полякова

Кругом гремел горячий бой,
Шли танки с трех сторон.
Но все атаки отражал
Наш первый батальон.
Ребята все как на подбор,
Настойчивый народ.
Такой в бою скорей умрет,
А с места не сойдет.
Пускай весь день жесток огонь
Двух танковых полков,
Но не к лицу в бою бойцу
Считать своих врагов.
Сначала нужно их убить —
Вот наш и долг и честь!
А после боя время есть
И мертвыми их счесть.
— Сперва убьем, потом сочтем,
Закон у нас таков, —

Так говорил своим друзьям
Наводчик Поляков.

Сережа Поляков хитрец.
Из тульских кузнецов.
Веселый парень и храбрец,
Храбрец из храбрецов.

Он и в походе, и в бою,
И ставши на привал,
Сноровку тульскую свою
Нигде не забывал.

Уж если пушку от врага
Замаскирует он,
Не увидать за два шага
Ее со всех сторон.

Стрельнет и перейдет, стрельнет
И перейдет опять.
Как будто пушка не одна —
По крайней мере пять.

А враг все ближе подходил...
Всего пятьсот шагов...
Но не привык считать врагов
Наводчик Поляков.

— Пускай крепка у них броня,
Пускай идут они.

В груди есть сердце у меня
Покрепче их брони.
Из стали скованы сердца
У нас, большевиков. —
Так говорил своим друзьям
Наводчик Поляков.
А враг все ближе подходил,
Но, позабыв о нем,
Сережа Поляков шутил
Под вражеским огнем.
— Смотри, бандит один горит, —
Кричит ему боец.
— Еще собьем, потом сочтем
Все вместе под конец.
— Смотри, бандит еще горит, —
Кричит боец опять.
— Давай снаряд, раз два горят,
Светлее третий брать.
— Еще, смотри, подходят три!
— Ну что же, ничего.
Чем ближе он со всех сторон,
Тем легче бить его.
Четыре раза танков ждал наводчик
Поляков,
Четыре раза подпускал он их на сто
шагов.

Четыре раза посылал им прямо в лоб
снаряд,
Четыре танка в темноте вокруг него
горят.

Он все снаряды расстрелял.
Всего один в стволе,
Но ведь не даром мы стоим
На собственной земле!

И если есть один снаряд,
Чтоб бить наверняка,
Поближе надо подпустить
Последнего врага.

А тот уж в сорока шагах.
— Стреляй! — кричит боец.
— Постой, пусть ближе подойдет,
Тогда ему конец.

И ровно с двадцати шагов,
Гранатою в упор,
Закончил с танком Поляков
Последний разговор.

Разбил он пушку у врага,
Заклинил пулемет.
Но был еще механик жив,
И танк прошел вперед.

С размаху на орудье он
Наехал с трех шагов.
Так на посту своем погиб
Наводчик Поляков.

Над ним пылал разбитый танк,
Кругом другие жгли.
И немцам заходя во фланг,
На помощь наши шли.

Надолго был задержан враг,
Пять танков — пять костров.
Учись, товарищ, делать так,
Как сделал Поляков!

Учись, как нужно презирать
Опасности в бою,
И если надо — умирать
За Родину свою.

22 июля

ЛЮДИ ИЗ ФАШИСТСКОГО ТЫЛА

Вот они стоят перед нами — большая толпа людей, одетых кто в пехотные мундиры, кто в черные куртки танкистов, кто в летную форму.

Значительная часть из них — 97 человек попали в плен сразу, все вместе.

Это было три дня назад, — объясняют они.

Их танки уже прошли вперед, а они спокойно двигались сзади, — 70 машин, дивизионный тыл танковой дивизии.

Нет, они не были вооружены. У них были только револьверы.

Почему?

Потому что командование сказало им, что сегодня они могут ехать спокойно. Впереди идут танки, а когда прошли танки, то все должно быть спокойно.

И вдруг...

Они до сих пор удивлены, до сих пор не могут опомниться.

Вдруг из леса выскочила советская пехота и начала стрелять.

— Что сделали вы?

Они даже несколько удивлены этим вопросом.

— Что сделали мы? Сорок человек из нас сразу были убиты, остальные подняли руки.

Да, им приказывают не сдаваться в плен. Но приказ — это одно, а когда выскочила советская пехота и сразу убила сорок человек, — это другое.

И потом они были очень и очень удивлены. Им сказали, что русские далеко, что русские давно отступили.

Они были так уверены в этом, что везли вперед не только снаряды, но и музыкантов.

После победы, на привале, когда тихо, эти музыканты должны были играть военные марши. Они должны были поднимать дух солдат.

О, это очень важно, музыканты! Но, к сожалению, их не удалось довезти вперед.

Мы объясняем, что напрасно они жалуются, что в эти дни их танковой части было не до музыки.

Мы показываем газету, где сфотографирована после боя груда разбитых немецких танков. Они долго смотрят, тыча пальцами в отдельные машины, узнавая их и вслух повторяя друг другу номера, написанные на броне машин.

Они удивлены. Немецкое командование приказывает стаскивать с дорог остатки своих сожженных танков и бронемашин. Армия второй линии не должна видеть, какие тяжелые потери несут передовые части.

Надо отдать должное: это хорошо организовано. Но в корне этого лежит страх, страх перед своими солдатами, которых заставили драться, только обещав легкую победу и скорое возвращение.

Нет, эти люди не должны видеть потерь, разбитых танков, сожженных машин, — убрать! Тягачи волокли в лес об-

ломки танков, а колонны войск второй линии спокойно шли по очищенной дороге, шли до тех пор, пока их не окружила русская пехота, которая почему-то вдруг оказалась здесь, хотя по сводкам немецкого командования она уже давно отступила за сто километров отсюда.

Вот сидят перед нами рядом два представителя этого немецкого тыла, войск второй линии: Гергардт Габеркорн — уроженец Мюльгаузена, механик-водитель, ефрейтор, 19 лет, и Иосиф Миттльгаммер — уроженец Регенсбурга, музыкант, фельдфебель, 47 лет.

Они оба очень характерны для немецкого тыла и по своему возрасту, и по своим настроениям. Мальчишки и люди, которым под пятьдесят, — из них состоит немецкий тыл. Их разъединяет возраст и объединяет общее страстное желание, чтобы скорее кончилась война.

Эти двое, да и все другие, в один голос говорят, что эта война была для них полной неожиданностью, что даже в газетах от 22 июня не было ни слова о войне.

— Но ведь вашу часть перебросили к самой русской границе?

— Да, но нам неофициально сообщили, что мы поедем воевать в Ирак, что русские пропустят нас туда через свою территорию.

— И вы поверили этой нелепости?

— Да, поверили. Ведь догадка, что мы просто идем воевать с Россией, казалась нам еще большей нелепостью.

— Значит, это нападение на Россию, по-вашему, нелепость?

Фельдфебель Миттльгаммер беспокойно оглядывается на своих соседей и молчит. Потом, махнув рукой, он вдруг говорит срывающимся голосом смертельно усталого человека:

— Я ничего не знаю! Я только каждый день и час жду единственного выхода — мира.

— Значит, вы лично для себя ничего не ждете от этой войны? Вам она не нужна?

— Лично я жду только мира, только мира. Вот и все.

— А вы, Габеркорн? Чего вы хотите от войны с Россией?

Девятнадцатилетний Габеркорн пожимает плечами.

— Я хочу вернуться домой.

— Но ведь вы два года назад сами пошли в армию добровольцем?

— Тогда еще не было войны. Я пошел добровольцем в армию, а не на войну.

Задаешь подобные вопросы еще одному, другому, третьему, десятому, и все ответы поражают своим сходством.

— Хотим мира.

— Хотим вернуться домой.

— Хотим, чтобы это было скорее.

Только стрелок-радист унтер-офицер Гайнц Аппельгоф, фашист, выкормленный союзом гитлеровской молодежи, пробует разводить убогую фашистскую философию. Говоря о причинах войны, он, как попугай, повторяет затверженные наизусть фразы из гитлеровского меморандума.

Он хочет войны, этот молодой наемный убийца, для которого систематическое уничтожение людей стало единственным

способом заработать деньги и славу, — славу, потому что в фашистской Германии высшей славой считается слава убийцы.

На груди у него нашивка.

— Где же ваш железный крест?

— Меня наградили всего несколько дней назад. А крест вручают только в торжественные дни на парадах.

— И вы, значит, с нетерпением ждали парада?

— Да.

— Ждали и не дождались?

Гайнц Аппельгоф молчит. Он удручен. И в самом деле, можно ли не огорчаться ему, который так и не дождался парада.

24 июля

РАЗВЕДЧИКИ

Уже три дня и три ночи шли непрерывные бои вокруг местечка Е., занятого прорвавшимися моторизованными частями немцев.

Немцы были окружены у нас в тылу, и кольцо с каждым часом сжималось все теснее. Отбив у немцев одну из деревень, бойцы нашли много трупов членов охранных отрядов СС и представителей фашистской гвардии.

Захваченные вчера вечером пленные показали, что они принадлежат к саперному батальону. Очевидно, немцы предполагали осесть здесь надолго, но наши жестокие атаки вынудили их бросить в бой все резервы, в том числе и саперов.

Стараясь нащупать место, через которое попавшие в ловушку части могли бы

вырваться, немецкая авиация яростно бомбит наше расположение.

Уже три дня и три ночи «Юнкерсы» никак не могут нащупать это место и наугад рыщут над всеми дорогами и перелесками, куда попало сбрасывая бомбы.

Мы едем по дороге, идущей на запад, в одну из наших разведывательных частей.

Вот опять ухнуло где-то совсем близко впереди, в лесу. Через две минуты мы доезжаем до того места, где упала бомба. Она разорвалась в пятидесяти метрах от дороги и осколками скосила несколько деревьев.

Шоферы грузовых машин, веселые ребята, с шутками и «Дубинушкой» стаскивают с дороги упавшее дерево.

Вот оно оттащено в сторону, путь свободен. Еще сто килограммов остродефицитного в Германии металла пропало даром.

Впрочем, может быть, летчик сообщит, что он разбомбил дорогу, — это у них бывает. Мы не раз ездили по совершенно гладким и целехоньким дорогам, которые

были уже «полностью разрушены» на бумаге немецким командованием.

Въезжаем в расположение разведывательной части как раз в ту секунду, когда подается сигнал «воздух».

Мгновенно все скрываются в заранее точно распределенных блиндажах и щелях.

Грохает несколько бомб. Сбросив груз, тройка «Юнкерсов» возвращается на запад.

Деловито отряхиваясь, бойцы и командиры вылезают из блиндажей и продолжают заниматься прерванными делами. Здесь уже привыкли к бомбежкам, к тому, что это гораздо более шумно, чем опасно.

Хорошо зарывшись в землю, пехота не боится бомбежек. Она полностью защищена от осколков, а прямое попадание — редкость, почти случайность. За три дня бомбежек в этой части всего один раненый.

В часть только что вернулись из глубокой разведки младший лейтенант Гришаков и заместитель политрука Полап-

сенко. Они доложили командиру о результатах и сейчас отдыхают.

— Долго вы ходили в разведку?

— Ходили? Мы не ходили, мы ездили. У нас газик, мировая машина. Где пешком пройдешь, там и на ней проедешь, а время дорого. Я, Гришаков и шофер — целое моторизованное соединение, так втроем и ездили, — говорит Полапсенко, с усмешкой показывая на неподалеку стоящий замаскированный газик.

Расспрашиваем о подробностях.

Двое разведчиков и шофер выехали утром.

Они проехали через передовые посты, которые на этот раз не сообщили им ничего нового, и по узкой лесной дороге углубились на территорию, занятую немецкими передовыми отрядами.

На полпути к ближайшей деревне они встретили старика. Старик рассказал им, что в деревне вчера были немцы и под вечер ушли к югу, наверное, к переправе через одну из здешних небольших речек...

Подъехав к деревне, разведчики остановились у крайнего дома.

Столпившиеся там женщины рассказали, что немцы были здесь вчера. Вчера утром мимо деревни проходил заблудившийся за ночь грузовик с несколькими ранеными красноармейцами и лейтенантом. Выехав на перекресток, он наткнулся прямо на колонну немецких броневиков и машин.

Шофер, не потеряв самообладания, прибавил скорость и проскочил под носом у немцев.

Немецкие броневики, стреляя на ходу, погнались за ним.

Несколько пулеметных очередей попало в кузов, убив сидевших там раненых. Шофер под обстрелом продолжал гнать машину, пока снаряд, разорвавшийся впереди, не убил его. Лейтенант, сидевший рядом с ним, был еще раз ранен.

Немцы вытащили его в бесчувственном состоянии, протащили через деревню в рожь и там, поддерживая его, потому что он от потери крови не мог стоять, расстреляли.

Потом они вернулись в деревню и стали спрашивать дорогу на село Р.

Зная, что туда есть две переправы, жители послали их кружным путем, к той, которая уже два дня назад была заведомо приведена в негодность.

Разведчики решили ехать вслед за немцами к разрушенной переправе.

Проехали километра полтора и увидали овраг, через который был переброшен полуразвалившийся мостик.

Доски его были только что проломаны какой-то тяжелой машиной, очевидно, броневиком.

Перебравшись через мостик, они доехали до поворота к селу. За поворотом были видны столбы пыли от только что прошедших машин. Последняя из них, легковая штабная машина остановилась у крайней хаты.

Прячась, задами разведчики тихо подъехали к краю деревни.

Их встретила женщина, поспешившая им навстречу, чтобы предупредить, что

машины немецкие и что последняя машина долго следила за ними.

Решив, что заметившие их немцы попробуют отрезать им путь, Полапсенко и Гришаков загнали свой газик в лес, а сами решили продолжать разведку пешком.

Шоферу было приказано, если на него наскочат, отъехать еще глубже в лес, спрятаться и ждать.

Пошли прямым путем к тому месту, где должны были переправляться немцы.

Не дойдя каких-нибудь четырехсот метров, услышали, как у переправы буксуют тяжелые машины. Когда добрались до переправы, гул моторов уже затихал вдали.

Были видны следы долго буксовавших на глинистом берегу машин. Мост был сломан. Спустившимся к берегу немцам, очевидно, пришлось одну за другой на руках вытаскивать обратно свои машины.

По следам можно было примерно подсчитать, сколько машин, и узнать, куда они шли, но разведчикам этого было мало. Они хотели видеть врага своими глазами.

Опять пешком разведчики добрались до второго села, где немцы могли остановиться перед переправой через реку.

Опять, прячась по огородам, добрались до крайней хаты.

Во дворе стояло несколько женщин, отчаянно замахавших руками при виде разведчиков.

— Немцы!

— Очень хорошо, нам как раз и нужно.

— Вы что, плена не боитесь?

— Мы пришли посмотреть, как их завтра поудобней в плен брать!

Забравшись на крышу, разведчики осмотрели всю улицу.

На ней стояло десять грузовиков, битком набитых солдатами, три броневика, три мотоцикла и штабная машина. Немецкие офицеры, стоя у колодца, в пятнадцати метрах от разведчиков, ничего не подозревая, пили и закусывали.

Был большой соблазн ударить по ним из винтовок, свалить их на месте.

Но разведчики удержались. Завтра всю эту колонну, может быть, удастся взять

живьем, а пока надо сохранять спокойствие и скорей донести в штаб.

Они потихоньку сползли с крыши и двинулись к лесу, где стояла их машина.

В 7 часов вечера газик бойко подкатил к командному пункту.

В 8 часов из расположения части отправился по следам разведчиков на ночную операцию истребительный отряд.

— Возьмут, — говорят нам разведчики, — непременно возьмут, даром, что ли, старались.

Уже начало темнеть, когда мы выехали из разведывательной части.

Над широким ржаным полем стоял высокий столб черного дыма. Горел фашистский «Юнкерс», подбитый нашими зенитчиками.

Мы подъехали ближе. Во ржи, растерянные, окруженные нашими бойцами, стояли три летчика.

Обожженные, перекошенные от боли и страха лица, бессильно опущенные руки. У двоих петлички железного креста. Эти,

как и многие другие, которых мы уже встречали на фронте, успели пришить петлички, но так и не дождались выдаваемых на параде крестов. Они молчат, за ними пылает их самолет и с грохотом рвутся в пламени бомбы, которые они так и не успели сбросить.

29 июля

СЕКРЕТ ПОБЕДЫ

Посвящается истребителю Николаю Терехину

Есть такие ребята —
Любимые сыновья:
Когда они учатся в школе,
Их любит своя семья.
Когда начинают работать,
Их любит родной завод.
Когда они вырастают,
Их узнает народ.

Если такой уж дружит, —
То до смерти, до конца.
Если уж он дерется, —
То не опустив лица.
Если в беду попал он, —
Все равно он идет вперед.
Если уж погибает, —
И врага в могилу берет.

Был Николай Терехин
Одним из таких ребят,
Которым легче погибнуть,
Чем отступить назад.
Однажды, едва светало,
Надвинув шлем на бегу,
Он вылетел по тревоге
Наперерез врагу.

Врагов налетело много,
Но нашим не привыкать.
Досталось ему на долю
Три «Юнкерса» отогнать.
Терехин пошел за первым,
Догнал его на лету,
Пристроился поудобней
К «Юнкерсову» хвосту.

Всадил ему с маху очередь
Одну и еще одну,
Чтоб черный корабль пиратов
Послать, наконец, ко дну.
Но, видно, был враг упорен,
Ко дну итти не хотел —

Весь дымясь от пробоин,
«Юнкерс» еще летел.

Терехин зашел поближе,
Так, чтоб наверняка,
И черный стервятник рухнул
Книзу под облака.
Но двое еще осталось,
Они уже вдаль ушли,
Клубилось под ними поле
В черных столбах земли.

Они пошвыряли бомбы
Куда попало, в овраг,
Но нам и за эти бомбы
Кровью заплатит враг.
Но пулемет, как на зло,
Вздрогнул и замолчал —
По первому самолету
Терехин все расстрелял.

Ни одного патрона
Нет у него с собой.
По всем военным уставам —
Это уже не бой.

Но когда, по машине
Вдруг стрелять перестав,
Ты видишь, как враг уходит, —
Тут можно забыть устав.

Терехин короткой тенью
На крыльях врага повис
И, рассчитав паденье,
Рухнул на «Юнкерс», вниз.
Краем крыла он с лету
Рубанул по хвосту,
И «Юнкерс» свалился на бок,
Потеряв высоту.

Тут бы пора и прыгать —
Авось парашют спасет,
Летчик, врага тараня,
Рискует разбить самолет.
Но до последней секунды
Медля делать прыжок,
Терехин свою машину
Оставить одну не мог.

Было крыло разбито,
Но машина цела,

Она до посадки чудом
Еще дотянуть могла.
Если такое счастье —
Никто ведь не упрекнет —
По всем военным уставам
Скорей сажай самолет.

Но третий «Юнкерс» уходит,
Надо его подбить!
Ценою жизни победу
Терехин решил добыть.

Даже не на бензине —
Бензина на полрывка,
Как Чкалов, — на самолюбьи
Терехин догнал врага.
Теряя последнюю скорость,
Упав, как железный ком,
Таранил он третий «Юнкерс»
Разбитым своим ястребком.

Ударом его оглушило,
Огнем обожгло лицо,
Последним усильем воли
Выдернул он кольцо.

В госпитале Терехин
Не пробыл и двух часов:
— Воздух аэродрома
Мне лучше всех докторов!

Лежа на аэродроме
В повязках, в белых бинтах,
Смотрел, как его ребята
Идут над ним в облаках.
Семь дней пролежал, крепился
Завидовал всем друзьям,
Сел на восьмой в машину,
Повел эскадрилью сам.

А ночью сказал ребятам:
— Как нам фашистов бить?
В чем наш секрет победы?
В том, чтоб упрямым быть,
В том, чтобы, как ни худо —
Назад ни на полшага!
И если уж думать о смерти —
То только о смерти врага.

У храбрых есть только бессмертье,
Смерти у храбрых нет.
Не хочешь смерти — будь храбрым!
Вот вам и весь секрет.

5 августа 1941 г.

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников изд-во просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов,

Все материалы направлять по адресу: Москва, ул. Воровского, 50, изд-во „Советский писатель".

Ответственный редактор А. Ступникер
Л160508
Подписана к печати 25 августа 1941 г.
Авторских листов 1,64
Печатных листов $1^1/_8$
Количество знаков в листе 63232
Тираж 20000
СП № 375. Заказ № 6266
Цена 70 к.

Типография им. Воровского,
Москва, ул. Дзержинского, 18.

70 коп.